

ВОЙНА И РОК-Н-РОЛЛ

В НЬЮ-ЙОРКЕ в крохотном театре «Мартиник» идет антивоенная пьеса «Вьетрок» («Вьетнамский рок-н-ролл»).

«Когда бомбы падают, вьетнамцы качаются, качаются. Когда напалм взрывается, вьетнамцы вращаются, вращаются», — так в темпе рок-н-ролла, под лихой джаз мрачный глухой голос настраивает зрителя еще до начала действия.

Рок-н-ролл и война. Не слишком ли рядом? Нет, считает автор и режиссер Миган Терри. Она называет свою пьесу «театральным заявлением» против войны. В рецензиях ее характеризуют как сатирическое ревю. Миган Терри пишет, что использовала материал, который «бомбардирует нас ежедневно с экрана телевизора и страниц газет».

Издавать трудно, почти невозможно вообразить интенсивность этой бомбардировки: речи политических ораторов и пустозвонов начиная с министров, леденящий профессионализм генералов, сводки о боевых вылетах и «бэди каунт» (счет трупов), хвастовство тоннажем сброшенных бомб и эффективность напалма, наивность и тупую веру солдат, горячность протеста, одинокое ожидание матерей, репортажи из джунглей и сайгонских кабаков, где инфляция и нужда томят в объятия солдатки дочерей и жен мелких и средних чиновников, угар шовинизма, обреченность легко заменимых винтиков военной машины, неразбериха в мозгах многих американцев. Можно понять, как все это отлилось для молодого автора в образ чудовищного рок-н-ролла, холодящей душу пляски, когда в аэриэ ломают уже не стулья в партнере, как бывало на представлениях Элвиса Пресли, а человеческие жизни, когда все глохнет в грохоте джаза, в вое разного рода пожарных сирен «трижды безумного мира».

Семь солдат и шесть женщин на сцене. Актрисы калейдоскопично, иногда слишком калейдоскопично, меняют роли — то матери, то возлюбленные, то вдруг мадонна перед сенаторами, то даже сайгонские солдаты, обучаемые американцами.

Семь солдат остаются солдатами с того момента, когда в ритмичном, зловеще веселом эпизоде их одного за другим метят пентагоновским клеймом на призывном пункте: «Особь мужского пола, проинспектированная правительством США». Солдаты все время в процессе механической обработки, которой славится Пентагон, переходя из сценки в сценку все ближе к джунглям, где уже не от сержанта, а от партизан узнают самое главное — почему фунт лиха.

Вот хорошо сыгранная сценка. Демонстранты — противники войны хотят произвести «гражданский арест» солдат, и один из них касается сержанта. «А ну, долой красную лапу с правительственной собственности», — орет бравый сержант, воплощение лояльности и автоматизма.

Демонстранты: Прекратите войну во Вьетнаме. Любите, а не воюйте! Верните солдат домой!

Сержант: Мне даже сапога своего на вас жалко... Вы что, забыли о войнах с индейцами? Вы что, забыли, из какой вы страны?

Демонстранты (обращаясь к солдатам): Невинные люди гибнут со всех сторон.

Солдаты (хором): Сожалеем об этом.

Демонстранты: Дома рушатся, и жители сгоняются с родных мест.

Солдаты: Чрезвычайно сожалеем об этом.

Демонстранты: Людей сжигают.

Солдаты: Мы говорим же, что сожалеем об этом.

В конце спектакля сожаление выражает военный врач. Он извиняется перед матерью смертельно раненого солдата за опечатку в его фамилии. Опечатка обнаружена на ярлыке, привязанном к койке умирающего. Процесс обработки завершился.

В быстром круговороте эпизодов есть немало саркастических, убийственно метких ремарок. Вот плачущие южновьетнамские женщины перед двумя сенаторами США. Один сенатор встречает их общеданиями — невыдуманными копиями общеданий официальных: «Повремените, и мы построим в ваших джунглях хорошие школы и большие автостреды». Другой уточняет размер благодарений: «Даже джунглей не останется».

Масштабы вьетнамского рок-н-ролла на сцене американской действительности весьма велики. Если искать недостатки сатирического представления Миган Терри, то объективно они происходят именно отсюда. Слишком велик материал, «бомбардировавший» ее, и отнюдь не всему материалу автор придал сценическую завершенность и выразительность, — может быть, отсюда и определение жанра, как «театрального явления». Как бы ни было, публика узнает персонажи. Ведь и публика бомбардируется тем же материалом

и сама по-разному вовлечена во вьетнамский рок-н-ролл. Впрочем, зрители в основном — активные противники войны, участники антивоенных демонстраций.

Как ни парадоксально, в этом то и есть главная беда. Идет на сцене пьеса, которая, казалось бы, уже тем, что она на злобу дня, должна заинтересовать более или менее широкого зрителя, — ведь это первая пьеса здесь такого рода. Но идет она в скромном зале на 250 мест, и часть мест пустует, и театр «Мартиник» находится на Бродвее, но на Бродвее глухом, без реклам, а не на театральном, где ставят, как правило, бездумные «мюзикалы». И этот факт отражает один из ликов вьетнамского рок-н-ролла в Америке: равнодушие и отстраненность многих. Им тоже адресован сарказм Миган Терри. Им, а косвенно и более знаменитым коллегам автора пьесы. Они до сих пор считают, что война, так много обнажившая в Америке и американцах, не является темой для литературы и искусства, хотя многие из них осуждают эту войну. Прав рецензент газеты «Уоркер»: «Миган Терри, молодой талантливый драматург, сделала нечто, что не смогли сделать, — каковы бы ни были причины, — ее куда как более опытные и искусные коллег».

С. КОНДРАШОВ,
собр. корр. «Известий».
НЬЮ-ЙОРК, декабрь.

«ИЗВЕСТИЯ»
Г. МОСКВА
4 ДЕК 1968